

БИБЛИОТЕЧНЫЙ СОНЕТ

*А я люблю библиотекарей,
не продавцов, не поваров
и не учительниц, не лекарей —
библиотекарей-спецов.*

*А коли спец — библиотекарь,
она приятней мне вдвойне,
она и педагог, и лекарь,
и продавец, и повар мне.*

*Да я люблю библиотеку.
она ласкает глаз и слух.
по ней всегда читатель сохнет.*

*Туда я захожу как в Мекку,
там книжный дух,
там книгой пахнет.*

*Суровый Дант вошёл в аккаунт,
Поставил лайк суровый Дант
И вышел менее суров.
Ну, будь здоров! Всегда здоров!*

*Суровый Дант писал сонет,
Хотел поставить в Интернет.*

*А Интернета нет и нет.
Зато сонет, зато терцет!*

*Есть ад, чистилище и рай,
Как хочешь, так и выбирай.*

*А Интернет, он ни к чему —
И так всё вышло по уму.*

*Суровый Дант — лицом суров.
Ну, будь здоров! Всегда здоров!*

★ ★ ★

*Никого я в жизни не забанил,
никого-то в бан не посылал,
в баню — да, и парил там, и банил,
и, конечно, в бане выпивал.*

*Вот не добавлял в грузья, бывало:
попросились — и не подтвердил,
и таких не то что очень мало...
но не думаю, что им я навредил.*

*А меня вот банили? Не знаю,
что-то как-то я не замечал.
Много я чего не замечаю.
Ну так выпьем, что ли, за причал?!*

*Тост хороший: «За причал!»
Сам придумал. Не скачал.*

★ ★ ★

*У кота была собака,
кот её любил.
Съела вискас та, однако, —
кот её побил,
всю ей морду расцарапал,
ухо чуть не откусил...
Звали кошака — Шараров,
а собаку как — забыл.*

Как всегда, из захолустья
выливается река,
а потом уж входит в устье,
широка и глубока,
по пути в себя вливая
много всяких разных рек.
Вот и так у нас бывает:
всё вливает человек.

Закурю пред вратами в рай,
напоследок поймаю кайф,
а апостол, который Пётр, —
и красив он, и строг, и горд.

Я скажу ему: «Пётр, гружок,
может, выпьем на посошок?»
Он ответит: «А может, в агу?»
«Да и агу я был бы рад.

Только мало я нагрешил,
просто жил себе да и жил».
Он мне скажет: «Ну, по одной!
Будь здоров! И пойдём за мной!»

Знаем, дело — это дело,
а слова — всегда слова.
Тут касатка пролетела,
там касатка проплыла.

Это буква, только буква,
ведь одна всего лишь буква.
Было слово — стало слово,
но уже другое снова.

Вот ещё один пример:
как писал нам Заходер,

слово «*кит*» и слово «*кот*» —
спит один, другой плывёт.

Это буква, снова буква,
ведь одна всего лишь буква,
а из букв всегда слова —
закружилась голова.

Один поэт любил полёт,
и ввёл он слово «самолёт»
в наш повседневный обиход
(оно давно у нас живёт).

Летал он на аэропланах,
в своих поэмах и романах
прославил лётчиков, полёт,
ещё, конечно, самолёт.

Другой поэт ввёл слово «лётчик»,
но сам он вроде не летал,
хотя был тот ещё молодчик
и очень даже много знал.

Теперь мы все порой летаем
и самолётом называем
аэроплан, что нас везёт,
а совершает кто полёт —
он лётчик или же пилот.

А благодарны мы при этом
за это двум большим поэтам:
ведь «лётчик», также «самолёт»
они ввели в наш обиход.